

ФИЛОСОФИЯ ПЛАТЬЯ ПО ОСКАРУ УАЙЛЬДУ

Вниманию читателя предлагается оригинальный перевод эссе Оскара Уайльда «Философия платья», написанного автором в 1885 г. и переоткрытого в начале XXI в. Текст дает ясное представление о смелом новаторском подходе автора к осмыслению вопросов гармонии человеческого бытия на примере платья.

Ключевые слова: Оскар Уайльд, искусство, викторианская эпоха, мода.

Творчество британского поэта и писателя ирландского происхождения Оскара Уайльда (1854–1900) привлекает наше внимание сегодня, в век компьютеров и стандартизации, прежде всего, представлением о прекрасном и красоте как «единственной истине». Он одним из первых выступил против чопорной и ханжеской морали викторианской эпохи, против морализаторства и двойных стандартов. Предлагаемый вниманию читателя текст появился на свет в середине 1880-х гг. и в достаточной мере раскрывает эстетические воззрения писателя [Wilde, 1885]. Эссе было создано в период увлечения О. Уайльдом журналистикой, когда он развивал свои эстетические взгляды в жанре журнальной статьи. Позже – на рубеже 80–90-х гг. XIX в. – он перейдет к развернутым теоретическим трактатам – «Замыслы» и «Душа человека при социализме». Эссе «Философия платья» было опубликовано в «Нью-Йорк трибюн» (“The New-York Tribune”) в 1885 г. и оставалось позабытым и неизвестным ученым до начала XX в. Джон Купер, исследователь творчества Уайльда, переоткрыл его и опубликовал впервые отдельной книгой в 2013 г. [Cooper]. Исследователь указал как на прообраз этого эссе на одну из лекций Уайльда под названием «Платье», прочитанную в поездках по Великобритании и Ирландии между 1883 и 1888 гг. Эссе 1885 г. представляет ее расширенный вариант. Купер также пришел к выводу о том, что О. Уайльд замыслил написание трактата о реформе викторианского платья.

Эстетизм О. Уайльда не знал границ. Писатель искренне верил, что красота спасет мир. Искусство одеваться, сделать платье продолжением красоты человеческого тела – вот что двигало автором текста «Философия платья». Он хотел видеть всех красивыми и в одежде по

фигуре – в этом демократизм Уайльда. В своем единственном политическом тексте «Душа человека при социализме» Уайльд представлял общество, в котором человек будет освобожден от бремени необходимости трудиться и сможет сосредоточиться на художественном творчестве. Джордж Оруэлл так резюмировал эти идеи Уайльда: «По сути, мир будет населен художниками, каждый из которых будет стремиться к совершенству так, как ему кажется лучше» [Оруэлл, с. 117]. Уайльд верил в искупительную силу искусства, способствующую развитию: «Искусство – это индивидуализм, а индивидуализм – это беспокойная и разрушительная сила. В этом его огромная ценность. Оно стремится нарушить однообразие типажей, рабство обычаев, тиранию привычек и сведение человека к функции машины» [Wilde, 2003, p. 7].

***

На русском языке эссе «Философия платья» публикуется впервые.

В течение последних нескольких лет как в Америке, так и в Англии наблюдалось значительное развитие художественного вкуса. Невозможно не увидеть сразу, входя в дома любого из наших друзей, то огромное изменение, что имело место. Есть намного больший вкус к цвету, намного больший вкус к изысканности формы, а также чувство того, что искусство может коснуться самых обыденных вещей в доме с некоторой грацией и некоторой красотой. Но есть также остающаяся в тени сторона человеческой жизни, которая была оставлена почти полностью нетронутой. Я имею в виду, конечно, стиль одежды мужчин и женщин...

Меня иногда обвиняли в том, что я придаю слишком большое значение одежде. На это я отвечаю, что платье само по себе вещь для меня абсолютно неважная. В действительности, чем более завершенным выглядит платье на манекене магазина модисток, тем менее оно подходит к тому, чтобы его носить. Великолепные костюмы ателье М. Уорта¹ кажутся мне, как эти чашки Каподимонте², которые все с изгибами и коралловыми ручками, и покрыты с Пантеоном богов и богинь с восторгом, выраженном даже в рельефе; то есть они любопытны для того, чтобы смотреть на них, но полностью непригодны для использования. Французские модистки полагают, что женщины созданы Провидением специально для них, для того чтобы демон-

¹ Известный модный дом в Великобритании конца XIX в., созданный Ч. Ф. Уортом, французским модельером английского происхождения, одним из первых представителей высокой моды.

² Фарфоровая фабрика (Real Fabbrica Capodimonte), основанная в 1743 г. правящей в Неаполитанском королевстве династией Бурбонов.

стрировать их сложные и дорогие изделия. Я стою на позиции, что платье создано для службы Человечеству. Они думают, что красота – это вопрос оборок и мехов. Мне наплевать на оборки, и я понятия не имею о том, что такое меха, но я забочусь о чуде и грации человеческой Формы, и я считаю, что самый первый канон искусства состоит в том, что Красота всегда органична и приходит изнутри, а не снаружи, исходит из совершенства самого существа, а не от какой-то добавочной привлекательности. И, следственно, красота платья зависит целиком и полностью от прелести того, что оно покрывает, и от свободы и движения, которым она не мешает.

Из этого следует, что не может быть красоты национального костюма до того, как не появится национальное знание красоты человеческой формы. К грекам и римлянам такие знания приходили естественно из гимназиума и палестры³, от танца на лугу и догонялок у ручья. Мы должны приобрести его путем внедрения искусства в образование. Знания, которые я предлагаю, стали бы скоро наследием всех, если бы каждого ребенка учили рисовать так же рано, как его учили писать...

И если ребенок изучит фигуру человека, он узнает множество ценных законов одежды. Он узнает, например, о том, что талия – это очень красивый и утонченный изгиб, чем более утонченный, тем более красивый, а не, как наивно предполагает модистка, крутой прямой угол, неожиданно появляющийся в середине человека. Он изучит, наконец, что размер не имеет ничего общего с красотой. Это, я осмелюсь сказать, кажется очень очевидным предположением. Так оно и есть. Все истины совершенно очевидны, когда однажды увидишь их. Единственное, что требуется, – это их узреть. Размер – это не более чем случайность бытия, и он никогда не станет критерием Красоты. Величественный собор красив, но также прекрасна и птица, которая летает вокруг его шпиля, и бабочка, которая садится на его ось. Нога не обязательно красивая, потому что она маленькая. Самые маленькие ноги в мире те, что у китайских дам, и они к тому же и самые уродливые.

Любопытно, что так много людей в то время, как они готовы признать, глядя на обычную гостиную, что горизонтальная линия фриза и декоративной панели уменьшает высоту комнаты, и вертикальные линии колонны или панели увеличивают ее, несмотря на это не видят, что эти же законы можно применить и к платью. В самом деле, в современном костюме горизонтальная линия используется слишком часто, вертикальная линия – слишком редко, косая линия едва ли используется вообще.

³ Палэстра (греч. Παλαίστρα) – частная гимнастическая школа в Древней Греции, в широком смысле обозначает площадку для упражнений.

Талия, напротив, располагается, как правило, слишком низко. Длинная талия подразумевает короткую юбку, что всегда выглядит неловко, так как придает эффект коротких конечностей, в то время как высокая талия производит прекрасную серию вертикальных линий, падающих в складках платья вниз до самых ног, и придает ощущение высоты роста и грации. Широкие пышные рукава также усиливают горизонтальную линию плеч и могут быть выбраны теми, кто высок и худощав, так как они уменьшают любой излишний рост и придают пропорции, а тот, кто невысокого роста, должен их избегать.

И косая линия, которая получается при падении плаща с плеча по всему телу, или если платье застегивается сбоку, подходит практически всем фигурам. Эта линия, которая соответствует направлению движения и придает впечатление достоинства, а также свободы. Конечно, есть много других применений этих линий. Я упомянул только одно или два, чтобы напомнить людям, как идентичны законы архитектуры и платья на самом деле и как зависят от линии и пропорции. На самом деле, критерий хорошего костюма – это его силуэт, как, в сущности, это выглядит в скульптуре.

Но, помимо линии, есть также и цвет. В украшении комнаты, если кто-то не хочет, чтобы комната была хаосом или музеем, нужно быть совершенно уверенным в своем цветовом решении. То же самое и в платье. Гармония цвета должна быть четко определена. Если человек невысокого роста, то простота цвета имеет много преимуществ. Если человек повыше, то в одежде могут быть использованы два или три цвета. Я не хочу давать чисто арифметическую основу для эстетического вопроса, но, возможно, три оттенка цвета – это предел. Во всяком случае, следует помнить, что глядя на любого красиво одетого человека, глаз должен быть привлечен красотой линии и пропорции, и платье должно казаться полностью гармоничным с головы до пят; и что внезапное появление любого насильственного контрастирующего цвета, в виде банта или нашивки, отвлекает взгляд от достоинства ансамбля и концентрирует его на простой детали.

Что касается цвета, то я хотел бы раз и навсегда заявить, что нет такого понятия, как особый художественный цвет. Все хорошие цвета красивы наравне: искусство вмешивается только в вопрос их комбинации. И нужно отдавать не большее предпочтение одному цвету перед другим, чем одной ноте пианино перед другой. Также нет грустных цветов. Есть плохие цвета, как альберт-синий⁴, пурпурный, мышьяково-зеленый, а также в целом цвета на анилиновых красителях, но

---

⁴Тусклый темно-синий цвет.

хороший цвет всегда доставляет одно удовольствие. А третичные и второстепенные цвета являются наиболее безопасными для общего пользования, так как они не очень легко изнашиваются и, кроме того, дают ощущение отдыха и покоя. Несмотря ни на что, мистер Уорт, платье не должно походить на паровой свисток.

Теперь, что касается рисунка. Он не должен быть слишком определенным. Заметная крапленая клетка, например, имеет много недостатков. Прежде всего, она делает малейшее неравенство в фигуре, как, например, между двумя плечами, очень заметным; затем, трудно соединить рисунок аккуратно по швам; и в заключение, это отвлекает взгляд от пропорций фигуры, и придает простым деталям необычайную важность.

Впрочем, с другой стороны, рисунок не должен быть слишком крупным. Я упоминаю об этом, поскольку я недавно был в Лондоне в поисках некоторого тисненого серого плюша или вельвета, подходящего для изготовления плаща. В каждом магазине, в который я заходил, портной демонстрировал мне отрезы с самыми громадными узорами, слишком большими для самых обычных обоев, слишком большими для обычных занавесок, отрезы, которые в действительности требовали бы большого общественного здания, чтобы показать хоть какое-нибудь их преимущество. Я упрашивал продавца показать мне рисунок, который был бы целесообразен и соответствен фигуре кого-либо, кто был бы не выше 10 или 12 футов в высоту. Он ответил, что ему очень жаль, но это невозможно; мелкие узоры больше не ткются, на самом деле, большие узоры в моде. Как только он произнес слово «мода», он упомянул величайшего врага искусства, как в этом столетии, так и во все века. Мода держится на глупости. Искусство держится на законе. Мода однодневна. Искусство бессмертно. В самом деле, что такое мода? Мода – это форма безобразия, настолько невыносимого, что мы вынуждены менять ее каждые полгода. Абсолютно очевидно, что будь мода красива и разумна, нам не пришлось бы менять что-либо, сочетающее в себе два этих редких качества. И где бы ни была такая одежда, она бы оставалась неизменной по закону и принципу на протяжении многих сотен лет. И если любой из моих практичных друзей в Штатах откажется признавать ценность постоянства художественных законов, я целиком и полностью готов рассмотреть эту позицию с точки зрения экономики. Количество денег, которое тратится каждый год в Америке на одежду, – это что-то почти баснословное. У меня нет никакого желания утомить моих читателей статистикой, но если бы я указывал сумму, которая тратится каждый год на одни только шляпки, я уверен,

что одна половина общества будет полна раскаянием, а вторая – отчаянием! Я позволю себе сказать, что это что-то совершенно несопоставимое с великолепием современного платья и что причину этого следует искать не в великолепии одежды, а скорее в той нездоровой необходимости перемен, которую Мода навязывает ее прекрасным и обманутым приверженцам.

Мне сказали что, и я боюсь, что я в это верю, что если девушка безрассудно вложилась в то, что называется «парижская шляпка по последней моде», и носила это, вызывая зависть и ревность своего окружения в течение двух недель, ее ближайшая подруга наверняка позвонит ей и заметит случайно, что этот конкретный вид шляпки вышел полностью из моды. Следовательно, новая шляпка должна быть незамедлительно куплена, чтобы Пятая авеню⁵ была умиротворена, что повлечет за собой дополнительные расходы. Тогда как, если бы законы в стилистике платья обосновывались бы на искусстве вместо моды, не было бы необходимости в этой постоянной эволюции от ужаса к кошмару. То, что по-настоящему красиво, выглядит всегда ново и всегда восхитительно и не может стать старомодным, как и букет цветов. Мода, опять же, опрометчива по отношению к индивидуальности своих поклонников, не заботится о том, высокие они или короткие, светлые или темные, величественные или слабые, но заставляет их всех одеваться одинаково, пока она не сможет изобрести какое-то новое зло. В то время как Искусство позволяет, нет, даже предписывает каждому ту совершенную свободу, которая приходит от повиновения закону и которая является чем-то гораздо лучшим для человечества, чем тирания узких шнуровок или анархия анилиновых красителей.

А теперь что касается кроя платья.

Первое и последнее правило заключается в том, что каждый отдельный предмет одежды должен быть закреплен всегда за плечи, и никогда за талию. Следует отметить, что природа не дает никакой возможности прикрепить что-либо к деликатному изгибу талии. Следовательно, с помощью плотного корсета должен быть изготовлен искусственный выступ, на который нижняя одежда может быть надежно закреплена. Там, где есть нижние юбки, должны быть и корсеты. Уничтожьте первое, и второе исчезнет. И я без колебаний говорю, что всякий раз, когда в истории мы находим, что платье стало абсолютно чудовищным и уродливым, отчасти это происходило, конечно, из-за ошибочной идеи, что платье имеет независимое существование само по себе, но частично также из-за моды прикреплению нижних предметов одежды к талии. В XVI в.,

⁵ Пятая авеню (Fifth Avenue) – улица в центре Манхэттена в Нью-Йорке, одна из самых дорогих улиц в мире, где находится множество эксклюзивных бутиков.

например, чтобы подчеркнуть талию, Екатерина Медичи, Верховная Жрица яда и юбок, изобрела корсет, который может рассматриваться как кульминация ее преступной карьеры. Он был сделан из стали, имел переднюю и заднюю части, как кираса пожарной команды, и был закреплен под левой рукой защелкой и булавкой. Его целью было уменьшить окружность талии до диаметра в тринадцать дюймов, что было модным размером, без которого леди не могла позволить себе явиться ко двору; и его влияние на возраст и красоту эпохи можно оценить по тому факту, что нормальная талия у взрослой женщины – это, определенно, овал от двадцати шести и двадцати восьми дюймов.

Так как одна плохая привычка всегда порождает другую, чтобы поддержать значимость нижних юбок, была изобретена юбка с фижмами⁶. Это была масштабная конструкция, иногда сплетенная из прутьев, как большая корзина для одежды, иногда из стальных ребер, и простирались с каждой стороны до такой степени, что в царствование Елизаветы англичанка в парадной одежде занимала столько же места, сколько мы бы сейчас отвели для чрезвычайно масштабной политической встречи. Мне вряд ли нужно указывать на то, какой эгоистичной модой это было, учитывая ограниченное пространство земного шара. В прошлом веке был обруч, а в этом – кринолин. Но, мне скажут, женщины давно отказались от кринолина, обруча и фижм. Это так. И я уверен, мы все чувствуем к ним за это благодарность. Я определенно чувствую. Тем не менее, не задерживается ли даже сейчас среди нас эта злая, ужасная штука, называемая «турнюр»⁷? Разве это не самое отвратительное из всех уменьшительных слов, кринолет⁸, а еще и видеть это! Я совершенно уверен, что никто из моих читателей никогда и не мечтал надеть что-нибудь подобное. Но есть может быть и другие, кто не настолько разумен, и я хотел бы, чтобы это было передано им, деликатно и вежливо, что фигура в виде песочных часов – это не идеал Формы. Часто современное платье начинается очень хорошо. От шеи до талии линии самого платья следуют, более или менее прилегая к линиям фигуры; но нижняя часть костюма становится колоколообразной и тяжелой и разбивается на ряд резких углов и грубых кривых. В то время как если бы к плечам, и только к плечам, каждая отдельная часть одежды была бы прикреплена, тогда не было бы необходимости в каких-либо искусственных опорах, о которых я

⁶ Фижмы – каркас из прутьев для придания пышности женской юбке.

⁷ Турнюр – приспособление в виде подушечки, которая подкладывалась сзади под дамское платье ниже талии, что формировало характерный силуэт с выпуклой нижней частью тела.

⁸ Кринолет – приспособление на нижней части юбки, придающее пропорциональный объем платью.

говорил, и с тесной шнуровкой могло бы быть покончено. Если некоторая поддержка считается необходимой, как это часто бывает, то достаточно будет найти широкую шерстяную ленту или полосу эластичного полотна, которую поддерживают плечевые ремни.

Так много о крое платья, теперь о его украшении.

Французская модистка влачит однообразное и прибыльное существование в нашивании бантов там, где не должно быть бантов, и оборок там, где не должно быть оборок. Но, увы! ее труд напрасен. Ведь все готовые украшения просто делают платье уродливым, чтобы на него смотреть, и непригодным, чтобы его носить. Красота одежды, как и красота жизни, всегда исходит от свободы. В каждый момент платье должно отвечать движениям девушки, которая его носит, и изысканно вторить мелодии каждого движения и грации каждого жеста. Его красоту нужно искать в деликатной игре света и тени изящных волнистых складок, а не бессмысленном уродстве и уродливой бессмысленности чопорных и неоригинальных украшений. Это правда, что во многих последних Парижских платьях, которые я видел, складкам на платьях придается ценность. Но, к сожалению, все складки искусственно сделаны и зашиты, поэтому их очарование полностью разрушено. Складка в платье – это не событие, параграф, который будет включен в законопроект, но некоторый эффект света и тени, утонченный только потому, что он мимолетен. В самом деле, можно также нарисовать тень на платье, как сшить на нем складку. И основная причина того, что современное платье носится такое короткое время, в том, что оно не может быть разглажено, как должно, когда оно хранится отложенное в гардеробе. В действительности в модном платье слишком много «фасонирования»; очень богатые, конечно, не будут беспокоиться по этому поводу, но стоит напомнить тем, кто не миллионеры, что чем больше швов, тем больше потертоостей. Хорошо скроенное платье должно иметь почти такой же срок годности, как шаль, и это действительно так, если оно добротнo сшито. И то, что я имею в виду под хорошо сделанным платьем, – это просто платье, которое свисает с плеч, принимает форму фигуры и складок от движений девушки, которая его носит, и то, что я имею в виду под плохо сшитым платьем, представляет собой сложную структуру из разнородных материалов, которые были разрезаны вначале на куски ножницами, затем сшиты вместе на машинке, которые, в конечном счете, так покрыты ненужными украшениями, бантами, оборками, что становится неприятно на это смотреть, дорого за это платить и абсолютно никуда не годно носить.

Что ж, таковы законы, по которым следует одеваться. И возможно, хотя все эти принципы могут быть доведены до совершенства, это все-таки не создаст определенного стиля. С законченным стилем, в его историческом смысле, нам нечего делать. Не должно быть попытки возродить старинную манеру одеваться только потому, что она архаична, или превращать жизнь в хаос костюма, в Бал Маскарад. Наша цель не в археологической достоверности, а в максимально возможной степени свободы с наиболее равномерным распределением тепла. И вопрос тепла подводит меня к последнему пункту. Иногда мне говорили, не только обыватели, но и люди искусства, которые действительно заинтересованы в возможности красиво одеваться, что холодный климат Северных стран вынуждает нас носить слишком много одежды, один слой за другим, что совершенно невозможно для платья следовать линиям фигуры или подчеркивать ее. Однако это наблюдение, которое с первого взгляда может показаться вполне резонным, на самом деле основывается на неправильной идее, на идее, по сути, что теплота платья зависит от количества надетых предметов одежды. Тогда как вес одежды сильно зависит от количества надетых вещей, то ее теплота зависит целиком от материала, из которого эти вещи сделаны. И одна из главных ошибок в современном платье исходит из определенного материала, который всегда выбирается в качестве основы для одежды. Мы всегда использовали парусину, в то время как подходящий материал – это шерсть. Начнем с того, что шерсть не является проводником тепла. Это означает, что летом тяжкий солнечный жар не попадает под одежду и не обжигает тело, и то, что тело зимой остается в его нормальной естественной температуре и не тратит его жизненно необходимое тепло на обогрев воздуха. Те из моих читателей, кто играет в теннис на лужайке и любит виды спорта на открытом воздухе, знают, что, если они носят полностью фланелевый костюм, они очень комфортно чувствуют себя в жаркий день и очень тепло, когда день холодный. Я пытаюсь заявить, что те же законы, которые, очевидно, правомерны для теннисной площадки, так как фланель делается из шерстяной текстуры, должны быть признаны как абсолютно подходящие для изготовления одежды для людей, которые живут в городе и вынужденно ведут сидячий образ жизни. У шерсти есть много других качеств, таких, например, как быть поглотителем и распределителем влаги, в отношении которых я хотел бы порекомендовать моим читателям небольшой справочник по «Культуре Здоровья» д-ра Егера, профессора физиологии в Штуттгарте⁹. Д-р Егер не

⁹Егер Густав (1832–1917) – немецкий биолог и публицист. приобрел широкую известность своей книгой «Нормальная одежда как способ охраны здоровья» (1880).

вмешивается в вопрос формы или красоты, по крайней мере, когда он это делает, он вряд ли представляется мне в этом особо успешным, но о гигиенических достоинствах различных текстур и цветов он говорит, конечно, достаточно веско, и из сочетания принципов искусства с законами науки создается, я уверен, костюм будущего.

Если шерсть выбирается как основа и главный материал для платья, намного меньше одежды можно носить в настоящий момент, как результат чрезвычайного увеличения тепла и намного большей легкости и комфорта. Шерсть также имеет преимущество почти самой утонченной тканевой текстуры. Шелк часто груб в сравнении с ней, будучи одновременно и тяжелее, и холоднее. Большая кашемировая шаль из чистой шерсти может быть протянута через крошечное кольцо, ведь именно этим методом продавцы шалей на Восточных базарах демонстрируют тонкость своих товаров. Шерсть, опять-таки, не имеет складок. Я должен был бы сожалеть о том, что такая восхитительная ткань, как сатин, исчезает из современного платья, но каждая леди, которая носит что-либо из этой ткани, знает слишком хорошо, как легко она мнется; помимо этого, лучше носить мягкий, чем твердый материал, так как в последнем всегда есть опасность жесткости и грубых линий, тогда как при использовании первого вы получаете самую утонченную деликатность складки.

Мы находим, также, что в вопросе материала Наука и Искусство едины. И в отношении подхода к одежде модисток я бы хотел сделать одно последнее наблюдение. Вся их система не просто глупа, но и бессмысленна. Нет выгоды в том, что знатная леди затягивает свою талию, чтобы выглядеть худощавой. Объем – это вопрос пропорции. И противоестественно узкая талия просто заставляет плечи выглядеть аномально широкими и тяжелыми. Высокие каблуки, с другой стороны, поместив ногу под острым углом, наклоняют фигуру вперед, и это до такой степени далеко от любого добавления роста, отнимает его, как минимум, на дюйм с половиной. Люди, которые не могут прямо стоять, не должны воображать, что они выглядят высокими. Но и ношение высокого головного убора не улучшает ситуацию. Его действие только в том, что голова делается непропорционально широкой. Гном три фута высотой со шляпой в шесть локтей на голове будет в итоге выглядеть карликом три фута высотой. Действительно, рост измеряем больше расположением глаз и плеч, чем чем-то еще. И особая осторожность должна быть соблюдена, чтобы не сделать голову слишком большой. Ее идеальное соотношение – это одна восьмая всей фигуры...

Но я знаю, что независимо от Конгресса, женщины Америки могут проводить любые реформы, которые им нравятся. И я чувствую уверенность, что они не будут далее поддерживать стиль одежды, который основан на идее, что человеческая фигура бесформенна и нуждается в приемах модисток, чтобы быть презентабельной. Разве не у них самые утонченные и изящные руки и ноги в мире? Разве не у них лица цвета слоновой кости, окрашенные в лепестки роз? Разве не они всегда на службе их собственной страны и сеют хаос в Европе?

Взываю не к Цезарю, а к Цезаревой жене,

Оскар Уайльд

Оруэлл Дж. Оскар Уайльд, «Душа человека при социализме» / пер. Н. А. Анастасьева // Оруэлл Дж. Славно, славно мы резвились. М., 2019. С. 113–127.

Cooper J. Oscar Wilde on Dress. Philadelphia, 2013.

Wilde O. The Complete Works of Oscar Wilde. L., 2003.

Wilde O. The Philosophy of Dress // The New-York Tribune. 1885. URL: <https://archive.org/details/ThePhilosophyOfDress> (date of access: 27.12.2020).

Полужцова Диана Сергеевна

аспирант кафедры новой и новейшей истории

Уральский федеральный университет
620002 Екатеринбург, ул. Мира, 19

E-mail: dianapoluektova44@gmail.com

Diana Poluektova

PhD student, Department of Modern and Contemporary History

Ural Federal University

19 Mira Str., 620002 Ekaterinburg, Russia

E-mail: dianapoluektova44@gmail.com

The Philosophy of Dress by Oscar Wilde

The reader is offered the Russian translation of Oscar Wilde's essay The Philosophy of Dress, written in 1885 and rediscovered in the early 21st century. The text gives a clear idea of Wilde's bold and innovative approach to the issues of harmony of human existence using the example of a dress.

Keywords: Oscar Wilde, art, reform of Victorian dress.